

На окраине города

— И ничего мне не больно. Подумаешь...

— Но проволока ржавая, как ты не можешь понять?

— Причем тут проволока? Я к ней и не прикасался.

Марина Ивановна, довольно подвижная для своей крупной фигуры, то и дело подходила к окну:

— Ах, боже мой, и надо же — такое несчастье...

Валерий, полулежа на ярко-зеленой тахте, равнодушно разглядывал железные решетки, приделанные к окнам еще в прошлом году, и морщился.

Марина Ивановна бросила быстрый взгляд на забинтованную ногу сына и приоткрыла дверь в кухню:

— Маша, звони! Ну что же они там? Никогда эта «скорая» не приезжает вовремя.

— Я им, Марина Ивановна, все объяснила, — как обычно окая, доложила Маша.

Валерий сел, резко отбросил свисавшую на лоб челочку.

Ему просто надоели эти причитания. Он лениво потянулся к журналам на этажерке. Шлепнулась на пол шкатулка, привезенная из Евпатории. Веером рассыпались тяжелые ракушки.

— Ну что ты все егозишь? — забеспокоилась мать. —

Испортил вещь. Маша! — закричала она.

— Я сам подберу, — пробурчал Валерий, поднимая выпавший из шкатулки паспорт. — Мам! — удивленно воскликнул он. — А у тебя тут написано: Матрена Ивановна... Марина Ивановна заморгала черными крашеными ресницами, присела на тахту.

— Так надо, Валерий. Это для благозвучания.

— Может, для благозвучия? И не зови ты меня Ва-ле-рий. Противно.

— А ты не учи мать! — рассердилась Марина Ивановна. — Ты меня и так волнуешь. Ну зачем, ну кто, спрашивается, понес тебя на забор?

• — Во, заговорила своим голосом, — рассмеялся Валерий. Марина Ивановна сделала вид, что не слышала этих слов.

— И что ты там обозреваешь с этого забора? Ну строят и строят...

— Бульдозер новый пришел и скрепер самоходный... Говорят, не школа, а завод будет.

— Завод?! Но тогда и наш дом снесут! И сад на щепки... Нет, нет, Андрей Петрович не перенесет. Сколько сил и средств!..

Мужа Марина Ивановна даже при сыне называла только по имени и отчеству. Она вспомнила, что муж еще не обедал, вчера уехал. Выпьют где-нибудь под сосной, наедятся сала с огурцами, а потом будет всю ночь желудком маяться. Уж эта проклятая охота. И кто ее только выдумал!

Тревожный гудок «Скорой помощи» прервал ее размышления. Зазвенела цепь, и гулкий лай Полкана прокатился по двору.

На стеклянной веранде затопали. Врач, с бородкой клинышком, и его рослый помощник – фельдшер вошли в комнату. Запахло свежим ветром, осенней улицей.

– Где больной? – отрывисто бросил врач и, осмотревшись, подошел к Валерию.

– Что с ногой?

– Да так... С забора свалился...

– На проволоку колючую напоролся. Посмотрите, доктор, это серьезно? – умоляюще заговорила Марина Ивановна.

Фельдшер снял повязку. Доктор ощупал ногу, усмехнулся.

– Садина. Смажьте йодом. А вы, мамаша, – повернулся он сердито к Марине Ивановне, – зря нас не вызывайте. Там больные ждут... Да, да. Ждут. Когда рассерженный врач вышел, Валерий вскочил с тахты и подошел к телевизору. Покрутил ручку, но изображение не появлялось.

– Опять забыли поправить, – зевнул он, – ну и скучища. Мам, скажи папке: пусть он меня на охоту, что ли, возьмет.

– Маленьким нельзя.

– Я не маленький, уже в седьмом. Подумаешь, нельзя. Папка все может, если захочет...

– Ах, Валерий, не приставай. Я так разволнована.

И все из-за тебя. Мне надо отдохнуть.

Валерий открыл форточку. Стало слышно, как вяло шуршит белье на веревке. Но форточка захлопнулась, и наступила тишина.

Валерий прислушался, закрыл глаза, и ему почудилось, что по всем комнатам, по коврам и бесчисленным пуфикам бродит, как в сказке, огромный пушистый кот, и все, к чему прикасаются его мягкие лапы, неудержимо погружается в серую дремоту.

Сладко прикорнула на продавленном диване в кухне раньше всех встававшая Маша. Одинокая, уже в годах,

она больше всех трудилась в этом доме: готовила большие и малые обеды, стирала, убирала комнаты, ходила за продуктами в магазины и на базар. И, конечно, помогала Андрею Петровичу в саду.

В плетеном кресле-качалке, купленном для веранды, но очутившемся в гостиной, заснула хозяйка. Сейчас ее слабо загоревшее лицо производило приятное впечатление. Морщинки, хорошо знакомые массажистке, разгладились, исчезло угрюмое выражение, гнездившееся в уголках широкого рта.

Дольше всех боролся со сном Валерий. Цветными карандашами он приделал зеленые и красные усы всем

красавицам из журналов мод. И сам не заметил, как журналы очутились у него под головой.

Во сне он опять грубил классному руководителю – Ивану Афанасьевичу, а тот грозился прийти к отцу и рассказать про драку. Ну как было не дать по шее Сеньке Жлобину, который сам угостил Валерия пирожком, а потом потребовал за это десять копеек.

Сенька нажаловался учителю, а тот это дело так не оставит. И дома еще не знают о двойке по алгебре... Перед Валерием вдруг возникло не лицо учителя, а четко разлинованный тетрадный лист.

Резкий звонок помешал рассмотреть удивительное превращение. Звонок повторился. Но сегодня воскресенье, какие тут могут быть уроки? Окончательно проснувшись, Валерий подумал, что звонит вернувшийся с охоты отец. Вот сейчас войдет он, грохочуще-веселый, чуть пригнется в дверях, и от его смеха заволнуются тонконогие рюмки на полках серванта.

– Подъем!–Валерий отбросил подушку и помчался в коридор.

Но почему так брешет Полкан? Может это не отец, а Иван Афанасьевич. Валерий сдвинул тяжелый засов в сторону и чуть приоткрыл дверь. У подъезда стояли незнакомые люди: горбоносый человек в помятом плаще и запыленной шляпе, с ним паренек в синей бархатной куртке. Оба черные, как цыгане, и с новыми коричневыми чемоданами в руках.

Валерий отстегнул цепочку на двери.

– Здесь живет полковник Дунайский?–тихо спросил мужчина.

– На охоте он... А вы кто?

– Козловы. С Алтая,– светло посмотрел приезжий.–

Это мой сын Юрий. А ты, наверное, Валерий?

— Вы — дядя Андрей?—обрадовался Валерий.

— Ну вот и познакомились. Мать дома?

— Входите,— заторопился Валерий.

Про дядю Андрея он слышал не раз. Это он спас отца от смерти, вынес полуживого из леса, где-то возле Бобруйска. Это с ним отец бил фашистов...

Значит все это было?

Встреча гостей

«Где я его видел?»—подумал Валерка, глядя, как дядя Андрей, скинув плащ, устанавливает под вешалкой чемодан.

Пока приезжие смущенно осматривались, здоровались с матерью и осторожно усаживались в кресла с надвинутыми на них чопорными, до хруста накрахмаленными чехлами, Валерка сбегал на кухню.

На диване, из-под слежавшейся серой и плоской, как блин, подушки торчала потрепанная книжка, обернутая в афишу кинофильма «Тихий Дон». На сохранившейся картинке все было в точности: и нос горбатый, как у дяди Андрея, и брови строгие, и волосы черными волнами.

— Мелехов,— обрадованно вспомнил Валерка.
А в гостиной уже перекатывался отцовский бас.

— Что же ты, дорогуша, телеграмму не дал. Медвежатник!
А этот цыганенок, значит, и есть твой отпечаток!
А где же мой наследник, мать? Валерий Андреевич!
Боясь пропустить самое интересное, Валерий отбросил афишу и ринулся в комнаты.
Обветренное лицо отца казалось краснее обычного,

под просторной рубахой колыбался живот, перепоясанный полинявшим широким ремнем.

— Хорош, петух? Все заборы обследовал. Похож на меня, говоришь? Личность круглая... И челка такая ж. Вон, как на той фотографии. И брови мои, разлатые. Хо-хо...

Небрежно накинув на плечи пижаму, полковник зарокотал еще громче, обращаясь только к гостям.

— Садись, садись, Андрей. Чувствуй себя как дома. Квартиру не ищи. У меня поживешь. С моей супружницей познакомился? Как находишь? В тумбу превращается? Ничего, со временем под телевизор используем. Хо-хо... Ты, Матрена, не обижайся. Я с ним попросту, как с другом...

— Подождал бы ты, Андрей Петрович, со своим юмором. Дай гостям опомниться,— робко, словно извиняясь за нетактичность мужа, заговорила Марина Ивановна.— Может ванну примете?

— Хорошо бы,— как-то по детски улыбнулся дядя Андрей и засуетился возле чемодана, в прихожей. И вскоре из ванной послышались плеск, радостные восклицания, смех.

И после того, как гости, освеженные, в новых, одинаковых

белых рубашках, вышли в гостиную, отцовский бас продолжал перекатываться. Дядя Андрей молча кивал головой.

Валерий подсел к Юре. Тот примостился у фикуса, исподтишка осматриваясь.

— А горы большие на Алтае?—спросил Валерий.

Юра взглянул на него и ничего не ответил.

— А медведи страшные? Что ты молчишь?

— Есть, однако, всякие,— застенчиво ответил Юра.

Отец все еще грохотал.

— Идет времечко... Хо-хо... Ну, а ты как? Да, я слышал о твоём горе. Умерла. Не выдержала. Куда там!

Мужики и то не выдерживали.

Валерке показалось, что дядя Андрей от этих слов пригнулся, как под тяжестью.

— А вы тут, ребята?—на Валеркино плечо легла плотная отцовская рука,— марш к себе в комнату. Ишь молодежь пошла, все прислушиваются.

— Скрывать нечего,— сказал дядя Андрей и повторил, прищуривав потемневшие глаза,—скрывать плохое не надо. Пусть знают все. Ведь им жить, нашим наследникам. Под глазом у дяди Андрея задрожала жилка.

— Пойдем-ка лучше Андрюша, я тебе свое хозяйство покажу,— спохватился Дунайский.

Он бережно похлопал ладонью по лакированной поверхности немецкого серванта и провел гостей через проходную комнату, которую почему-то называли «библиотекой». Здесь прибиты были к стенам пустые стеллажи, а на длинном столе громоздились старые Валеркины учебники.

— Если понравится, тут располагайся. Ну, а там дальше будуар Матрены Ивановны,— снова хохотнул отец.— Ассамблея городских сплетниц.

В кабинете на стенах висели шашка, ружья, кортик, пахло табаком и старыми газетами.

Прибитая над дверью голова лося удивленно посматривала на гостей.

Валерий снял с ковра кортик и протянул его Юре.

Ему хотелось сказать, что отец обещал этот трофей подарить ему, но он промолчал.

Щелкнул неуклюжий сейф в углу. Валерий вспомнил, что этот сейф привезли отцу из заготконторы в обмен на яблоки из молодого сада. Привез его низенький человечек с маленькими, бегающими, как у мыши, глазами.

На столе, между приборами для набивки патронов и спиннинговой катушкой, появились графин и два стакана.

— Коньячок югославский,— ласково притронулся отец к графину, — предварительно провентилируем... Хорошо, что ты приехал. А то такая бывает скука... Ну, думаю, загрызет... А ты все еще здесь?—обратился он к сыну.— Ну, шагай, шагай. Покажи Юрке сад. Фонарь возьми.

— Пап, да мы мешать не будем...

Валерке очень хотелось остаться в кабинете, послушать, о чем будет говорить дядя Андрей с отцом.

Отец махнул рукой.

—

Ну, ладно, оставайся.

Юрка разглядывал тульскую двустволку. Осторожно потрогал пальцем приклад, на котором матовым серебром отливала надпись: «Полковник Дунайский А. П.».

Дядя Андрей взял кортик, повертел в руках, насупился.

— Узнаешь?—спросил отец.

— Восточная Пруссия... Коса Фриш-Нерунг,— дядя Андрей говорил задумчиво,— оттуда меня в госпиталь отправили, в Белоруссию... С ногой тогда долго возились врачи.

— Ну что же, Андрюша, выпьем за цепкую память.

Дядя Андрей все еще разглядывал кортик.

— Заржавел он у тебя, полковник.

— Это немножко, возле рукоятки, вычистим. И какой я тебе полковник? Был, да весь вышел. Одна пенсия осталась.

Дядя Андрей молчал. Он почему-то не торопился поднимать стакан, как это всегда делают друзья отца.

Отец выпил, крикнул, зажмурился и снова заговорил, но уже тихо и таинственно:

— Что ж не пьешь? Значит Юлька твоя... От чахотки... там же на руднике? Надо же было свалиться этому портрету прямо в классе...

Дядя Андрей схватил стакан, вылил коричневую жидкость в рот и, не закусив, уставился в окно удивленным взглядом.

— Слушай, а зачем здесь решетки?

— Да-а... — протянул отец и, не отвечая, шумно встал.— Пойдем-ка еще посмотрим. Покажу свою технику. Я, брат, всем обзавелся. Пылесосы двух видов, стиральная машина со все?ли реле, магнитофон — перво классный. Матрена моя говорит: зачем, мол, купил? Хо-хо... Что она понимает?... В кухне вот посмотришь—холодильник. Новейшая марка.

Рассказ дяди Андрея

На кухне дядя Андрей удивился не холодильнику, а стоявшей возле него Маше.

— Мария Павловна?!

— Товарищ капитан?—Маша вытянула вперед руки, и на мучнистом рябоватом лице ее заходили красные пятна.

Отец удивленно пошевелил бровями, прокашлялся:

— Да... гм... Маша... Мария Павловна, то есть, живет у нас давно.

А Маша неожиданно расплакалась.

— Медаль-то я вашу, товарищ капитан, храню.

— Какую медаль?— нахмурился отец.

— Как же ты, полковник, забыл?

Валерий заметил, как на смуглом остром лице дяди Андрея под самым глазом затрепетала синяя жилочка.

— Было это, ребята, незадолго до конца войны,— начал он, обращаясь к Валерию и своему сыну.— Дивизией у нас тогда командовал...

— Генерал Покровский,— вспомнил отец.

— Да... Справедливый был человек. Старик уже,— продолжал дядя Андрей.— Говорили тогда, что из дипломатов он. Все мемуары после войны собирался писать.

Однажды приказал он мне опросить всех писарей, поговорить с политруками и командирами, узнать у них, не обойден ли кто из старых солдат наградами.

— Валерий!—крикнула из столовой Марина Ивановна.— Покажи мне дневник!

Валерий хотел огрызнуться, но посмотрел на дядю Андрея и ему стало неудобно. Молча поплелся он из кухни.

— А помнишь, полковник,— продолжал Козлов,— ты говорил: напрасно, мол, стараешься, у меня в полку все ветераны заслуженно награждены., .

— И что ты меня все полковником зовешь!— недовольно повел бровью Дунайский.

— С первого дня и уж сердисься. А ведь на меня и генерал не покрикивал.

— Генерал в тебе больше учителя литературы видел, чем адъютанта. Неравнодушен был к литераторам... И к тому же из блокады, из Ленинграда ты к нам попал.

— Может быть,— согласился Козлов,— ну так вот...

— Мам,— послышался голос Валерия,— да гляди ты скорей. Все равно из «двойки» «тройка» не получится, а там интересное рассказывают.

Не прошло и минуты, как он влетел в кухню. Дядя Андрей улыбнулся и продолжал:

— Стояли мы тогда недалеко от польского города Остроленко. Оборону занимали в песке, под соснами. Глубокий окоп не выроешь — все осыпается. Хорошо, что затишье было... Долго я ходил по ротам и батальонам, все палатки, все шалаши облазил. Смотрю, однажды утром у сосны сидит солдат на снаряжных гильзах и лицо рукавом вытирает. Подхожу ближе. Вроде женщина. Валерий оглянулся на Машу. Лицо ее порозовело. А единственный глаз стал еще круглее.

— Выясню,— ласково улыбнулся дядя Андрей.— Действительно, оказывается, солдат. Ездовая. Всю войну на передовую мины возила. Из ополчения в дивизию пришла. Незаметно так Мария Павловна делала свое великое дело...

— Ну уж вы совсем, товарищ капитан, в краску меня вогнали,— закрылась передником Маша. В кухню по-хозяйски вошла Марина Ивановна, шурша шелковым халатом.

— Что тут происходит?— пропела она.

— Героя нашли, мать, героя,—сказал Дунайский.

— Героиню!—подчеркнул дядя Андрей.— Как сейчас помню, стоит она у вывороченной сосны... Вы уже не обижайтесь, Мария Павловна. В обветренных руках ее помятый солдатский котелок, на ногах кирзовые сапоги. Очень растерялась, когда перед ней штабной офицер остановился, котелок за спину спрятала.

— Я так и подумала,— задыхаясь от волнения сказала Маша,— что меня решили в тыл отправить.

— Как же мы ее тогда не заметили?—удивился Дунайский.

— Меня и немцы не замечали. Ни разу не ранили.

А глаз это с детства такой,— простодушно уточнила Маша.

— Да,— покачал головой дядя Андрей.— Ну и доложил я обо всем старику-генералу. Тот сам прикрепил к гимнастерке Марии Павловны медаль «За отвагу»...

— Вот это да!..— Валерий восторженно посмотрел на Машу. Такая обычная, в сереньком фартучке, и вдруг — фронтовик. Он вспомнил, как зимой, в метель постучалась к ним Маша — с узелком, в ватной телогрейке и попросилась в домработницы. Рекомендации у нее не было, и потому Марина Ивановна колебалась, но отец — молодец он все же!—уговорил мать. Фронтовики-то они друг друга всегда выручают.

— Вот и собрались однополчане: солдат, адъютант и полковник. Что теперь будем делать?—устало спросил дядя Андрей.

— Обедать,— твердо решил отец. Он никогда не терялся.

Зазвенели ложки. Отец посмотрел на дядю Андрея, позавидовал:

— Ты, Андрей, ничуть не изменился. Все такой же молодой, сноровистый. И как ты только меня дотащил тогда, в лесу?

Дядя Андрей взглянул на живот отца, перепоясанный ремнем, и усмехнулся.

— Теперь бы трудновато было... Ну да ничего-, вытянул бы и сейчас. Есть еще силенка... Скажи другое, как ты после ранения опять в свой полк попал! Догнал таки... «Вот это — друзья», — подумал Валерий.

Первые неожиданности

С приездом дяди Андрея многое переменилось в тихом доме Дунайских. В «Козловскую» комнату Юрка натащил книг по геологии и минералогии и про всякие путешествия. На стеллажах появились разные камешки с наклеенными на них самодельными этикетками. Это было интересно, и Валерка постоянно торчал здесь.

Однажды в комнату протиснулась Марина Ивановна. Она рассматривала камешки, осторожно подносила к носу, как нюхают «пробные духи», и ставила на место.

— Ваш мальчик так любит горное дело, а вы приехали на эти наши бедные равнины.—Она говорила слегка в нос, и чувствовалось, что это ей нравится. Дядя Андрей прищурился, подождал, что еще скажет Марина Ивановна, но она многозначительно замолчала.

— У Юры — ревматизм. Мы долго жили в сырой квартире,— под глазом у дяди Андрея опять запрыгала жилка. Он прошелся вдоль комнаты, остановился у окна и сказал:

— В том городе, где жена находилась, выпадает много осадков. Дома там — в большой котловине. А в горы мы уже потом перебрались. Но врач все равно посоветовал ехать в центральную Россию.

Марина Ивановна понимающе вздохнула:

— Вам бы к морю, в Евпаторию, на золотой пляж. Валерий вспомнил, как возили его в Крым, когда он был совсем маленьким. Зажмурился, словно от яркого солнца и почти ощутил, как бежит тихими струйками сквозь пальцы горячий песок.

Вздохнув, он взял задачник по алгебре и подсел к Юрке на раскладушку.

В комнату вошел отец — как всегда грохочуще-веселый:

— А я тебе, Юрик, подарок принес. Хоть сейчас в экспедицию. Хорош, а?

Все посмотрели на подарок. Рюкзак, действительно, был отличный. Коричневый, с ремнями, со множеством кармашков.

Изо рта отца пахло чем-то кислым, а на лоснившемся подбородке краснела икринка. Он смахнул ее рукавом гимнастерки и повернулся к Юрке:

— Ну, нравится?

Юра торопливо привстал:

— Очень. Большое спасибо.

— То-то!—отец, довольный собой, направился в кухню.

— Маша, шей похлебать!

— Во-первых, не Маша, а Мария Павловна,—нарочито громко поправила его Марина Ивановна.— Думаешь, только ты один подарки делаешь. Я вот тоже хочу Марии Павловне кое-что подарить. Смотри, платье еще совсем новое...

Валерке все это было интересно, он отбросил задачник.

«Праздник, что ли, какой? Чего это они раздарились.

Может и мне что отвалится?»

У зеленой тахты стояла мать и держала на вытянутых руках черное бархатное платье в золотистых блестках.

Из кухни выглядывало смущенное лицо Маши.

— Так,— сказал отец.— Поздравляю, значит... Мария Павловна... От всей души.

С чем же он ее поздравляет? День рождения Маша скромно отмечала летом: покупала бутылку ситро и коробку халвы. Это, наверное, из-за медали. Валерий видел, как Маша оттирала зубным порошком свою медаль, а сейчас робко примеряет платье. Ух, как она разругнулась. От удовольствия, наверно.

Валерий вспомнил про Юру и пошел его искать. Дяди Андрея уже не было. Последнее время он все чаще уходит из дому. Юра говорит, что ищет работу. Но зачем он ищет, раз отец обещал ему помочь.

Раскрыв любимую географию, Валерий задумался. Ему вдруг показалось, что у него два отца. Один — тот, с которым они жили на частной холодной квартире, когда он даже дома носил китель с зелеными погонами, говорил мало, но здорово интересно и понятно, а другой теперешний, в пижаме — щеки трясутся, сам какой-то круглый. И слова его стали круглыми, как шары, так и катятся. Но, правда, не всегда он такой. Бывает и теперь иногда прежним. Да, разве Валерий не заметил, как отец на второй же день после приезда дяди Андрея примерял свой фронтонный китель. Ух, как он идет к нему, только узок — вот беда! И голос стал совсем другой. «Мы еще повоюем с нечистью»,— сказал отец.

Интересно, о чем это он. А что он сейчас делает? Ну да, конечно, поест жирных щей, позвенит стаканами и надолго заляжет в кабинете на кожаном диване. Мать опять уйдет к соседке. Скучно.

— Юрка, ты слышал, как холодильник урчит?

— Нет, а что?

— Пойдем послушаем.

— Потом. Мне задачу надо решать.

— Реши заодно и мою. Вот — двести первая, а я сейчас мороженого принесу. У нас в холодильнике оставалось.

Я видел.

— Ладно, давай.

Валерий, обрадованный, отталкивая на бегу надоедливые пуфики, устремился из гостиной, и вдруг остановился, словно перед ним натянули веревку. За стеклянной дверью в кухне сидела, согнувшись, на своем порыжевшем диване Маша в черном бархатном платье.

В руках ее сверкало маленькое зеркальце. Дрожали угловатые плечи и синие обветренные губы. По ее лицу текли слезы капля за каплей, даже из пустого глаза.

Валерию стало страшно. Он прикрыл дверь и на цыпочках отошел.

И осенью бывает жарко

На другой день у Валерия разболелась голова. Он не пошел в школу, лежал на тахте, свернувшись калачиком, и размышлял. Очень трудно было понять, что случилось с его родителями. Мать теперь только и делает, что ходит к своей подруге Лере. А как придет от нее, начинает ворчать: «Вон, люди живут, а мы при своих средствах — дикари. У него (это про отца) все охота, друзья, а я одна-одинешенька, а годы проходят»...

Подумаешь, проходят! Ну и пусть проходят.

И чего она в этой своей подруге нашла? Только и всего, что каждый день в новом платье. А муж у нее, Любка говорила, такой важный-преважный. Все ему первыми кланяются, а он лишь снисходительно кивнет. И фамилия удивительная — Носорогов.

«Неужели отец не возьмет меня на охоту?»
Валерка прислонил ладонь ко лбу. «Скажу ему, что уже все прошло. И точно, ничего не болит».

— Дай, дай!.. Оставь, оставь!—донеслось со двора. Отчаянно залаял Полкан. Так это же мать кричит. Что, ее Полкан не узнал? Валерка вмиг сорвался с места. Споткнувшись на веранде о старую шинель, которая теперь служила половиком, он налетел на бочку, приготовленную под капусту.

По двору, разбрызгивая лужи, бегал Полкан. Мохнатая лопухая голова его была просунута в то самое платье, которое получила в подарок Маша. За собакой, приподнимая узкую юбку, семенила толстая, растрепанная женщина с посиневшим, как от удушья, лицом и смешно размахивала руками.

Но это же не чужая женщина, это его мать. Она топала ногами и кричала, как на сцене:

— Безобразие... Отнимите!..
Но зачем же она бежит за Полканом? Подумаешь, платье. Можно еще купить.
. Ему стало жалко мать и обидно за нее. И зачем она так громко причитает? Соседи могут услышать. Они-то уж посмеются...

— Такую вещь — и выбросить? Сколько денег стоит!— кричала Марина Ивановна.
Из сарая вышел отец в короткой, без пояса, выцветшей гимнастерке. В руках он держал ножовку. Увидев его, мать еще сильнее рассердилась:

— А, ты здесь! И не мог спасти вещь?

— Ну что ты все кричишь?—отец провел по доске ножовкой.— Нашла причину. Свалилось платье с веревки, а Полкан подхватил.

— Нет, она его нарочно выбросила. Обиделась. Лучше бы я его продала...

Мать медленно приходила в себя. Позади Валерия скрипнула дверь. Он оглянулся и увидел Машу. Она постояла, послушала и спокойно ушла на кухню.

Марина Ивановна ее заметила и, чуть не задохнувшись от возмущения, снова пошла в атаку.

— И вообще, что это за дом! Вон люди живут, приемы устраивают, а мы?... Напустили каких-то... Приноравливайся к ним. Как же! И кто такие? Квартиранты, не квартиранты...

Валерий побледнел. Он ожидал, что отец вот-вот вспыхнет, взорвется гневными словами. Однажды он прочитал в газете про одного мальчишку, который в Севастополе подорвал фашистский танк и сам погиб. Мать буркнула: «Подумаешь...» Отец тогда сразу рассвирепел — стукнул кулаком по столу: «Кровью этих мальчишек полито наше благополучие!» А сейчас молчит. Что же он молчит?! Ведь оскорбили его лучшего друга, боевого друга.

— Не буду ж я с него за квартиру брать?—с досадой сказал отец. Щ

— А почему бы и не взять? Что тебе этот дом даром, что ли, достался? Деньги вложены немалые. Если ты стесняешься, могу и я намекнуть. А лучше б они вовсе ушли. Не нравятся они мне.

Что случилось с отцом? Как же он терпит такое?

Валерка хотел только одного, чтобы мать замолчала. Он бросился к отцу.

— Пап, возьми меня на охоту!..

— На охоту?—рассеянно повторил отец. Он думал о чем-то своем.

— Эх, ты!—пренебрежительно махнула рукой мать.— Перестал меня слушать. Смотри, люди-то не теряются. И пенсию получают и еще оклад, да по туристским путевкам барахлишко везут. А службы есть такие, что и делать ничего не надо. Расписывайся только в ведомости... Отец все-таки не выдержал:

— И откуда ты этих мыслей набралась? Пока за Полканом бегала? Или у этой дамы, что в исподнице в театр ходит?

— Фу, ты хоть бы сына постеснялся, воспитатель,— грызнула Марина Ивановна.

— Ты не сердись,— вдруг обмяк отец.— Смотри лучше сюда... Шесть конурок в сарае оборудовал. По два три щенка в каждой вместятся. А щенки породистые, в

большой цене нынче.— Он засмеялся.— И полная независимость от капризов погоды. Э, да что ты понимаешь!..

Валерию показалось, что отец говорит каким-то не своим голосом, как в бреду, и ему стало еще более жутко, чем когда он увидел, как из пустого глаза Маши текли слезы.

Молча повернулся и ушел. На тумбочке разложил тетради.

Сочинение не ладилось, и задача опять не сходилась с ответом.

В гостиную вошел дядя Андрей. Лицо его за последнее время осунулось и еще больше почернело. Ему много пришлось походить по школам. Но работу он все же нашел. Правда, не преподавателем литературы, а воспитателем.

— Это пока. Комнату обещали. А может, и Юрку в интернат определю. Питание санаторное,— объяснил он отцу и тут же, стесняясь, выложил ему деньги.

— Возьми, дружище. Я и так тебе задолжал.

— Ты что? Обалдел? — сердито сказал отец.

А Валерий, затаив дыхание, смотрел на него: «Возьмет или не возьмет?»

Отец, покраснев, взял деньги и слишком уж быстро повеселел. Распушилась и мать, припудрилась и пошла к своей приятельнице Носороговой.

Как же так, думал Валерий, выходит, что отец взял деньги у дяди Андрея. Как же так?.. Война-то была, и был тот синий-синий лес, и пропахшая кровью отцова гимнастерка, и тяжелые капли на лбу у задыхавшегося от ноши дяди Андрея.

Вспомнился почему-то Сенька Жлобин.

Валерию стало жарко. Он взобрался на подоконник, открыл форточку. На мутном клочковатом небе не было видно ни одной звезды. Он долго слушал, как перекачивались, шелестели листья у каменного глухого забора.

«Охотники» не едут в африку

– Любка живет в общей квартире, в деревянном доме. За домом – старый, сырой сад. Выходит он на пустырь, где раньше стояли построенные еще купцами каменные амбары. Теперь там – полузасыпанные штукатуркой, стеклом и рваным железом подвалы со многими выходами, в которые ныряют ошалелые кошки.

Мальчишки прозвали Любку «Ракетой» за то, что она любит читать про космонавтов. Она не обижается, привыкла. Лицо у нее, как у Валерия, светлое с черными бровями, а на затылке – густые овсяные метелочки, перехваченные синим бантом. Но самое заметное – это ее ушки – розовые, светящиеся и, когда Любка слушает, слегка наклонив голову набок, они кажутся маленькими знаками вопроса.

Характер у Любки спокойный, ходит она плавно, вроде нехотя, но за словом в карман не лезет и за себя постоять может. Этому отец ее научил. Резкий, нервный, но справедливый. Пришел он с войны на костылях. Чуть отдохнул и определился садоводом в «Зеленстрой». А потом хворать начал. Мать хотела было пойти работать продавцом, да отец воспротивился. Через месяц вынесли его из дома навсегда, Любка помнит только восковое длинное лицо и орден Славы на маленькой подушечке. А еще помнит, как у дверей появились двое друзей отца. Долго они топтались в темном коридоре и, наконец, уселись за голым клеенчатым столом. Обещали матери устроить ее продавщицей в гастрономе и свое слово сдержали.

С Валеркой Люба познакомилась еще при отце. Он помогал Дунайским, советовал, как разбивать цветник в саду и однажды взял Любку с собой.

Во двор вышел Валерка и первый заговорил с ней. О чем это? Ну да, об артистах. «Александра Невского» тогда по телевизору показывали.

Валерка начал ей рассказывать о Черкасове, а она

спокойно так ответила:

– Нашел чем удивить! Да я о нем знаю больше, чем ты...

Еще бы. Все фильмы, где он играет, пересмотрела.

С четвертого класса фотографии артистов собирает да еще Фанынке в Чехословакию сколько переслала. Давно они дружат – по письмам, конечно. А какая она – Фанынка? Может, ее тоже Ракетой зовут?

Но уж кто действительно ракетой носится — так это Валерий. Везде он поспекает: и в саду, и на пустыре, и на стройке за домом, и подвалы все обшарит. И никто его никаким прозвищем не одарил, потому что знают силу его кулаков.

Часто сидят они с Любкой на облезлой скамейке под узловатой, приземистой грушей и рассказывают разные случаи.

К Валерке в сад они ходить не любят. Там все подстрижено, подмазано, и Марина Ивановна все подглядывает, как бы чего не поломали.

Старый сад интереснее. Столько в нем потаенных уголков! Деревья большие, задумчивые, и косые тени вокруг них бродят. А если уж треснет какой сучище — сразу услышишь.

В серые ветреные дни разговаривает сад на своем непонятном дремучем языке, будто вспоминает старые сказки. Люба слушает его, наклонив голову, и сама начнет рассказывать — все шепотком, и, как белка, семечки стрижет.

А больше всего она любит играть в будущее. Сама игру придумала.

— Слушай, Валера. Садимся мы, значит, в ракету, и она мчит нас в неведомый мир...

Валерий молчит, думает, улыбается своим мыслям. И вдруг перезревшая, не замеченная никем бессемянка хлоп о его чубатую голову. Он трогает ушибленное место, чуть двигает бровью, как отец, когда недоволен, и протягивает грушу Любе. Она впивается в мягкий плод крепкими зубами, а Валерий продолжает:

— Электронное управление в полном порядке. Прилетаем. Перед нами — дворец из светящейся пластмассы. Входим. Привет, ребята! Что делаете? Телевизоры мастерим... Размер — со спичечную коробку...

— Зачем же такие малюсенькие? — не выдерживает Люба и, сама того не замечая, спускает своего приятеля с неведомых высот на землю.

— Маленькие телевизоры в походе незаменимы, — отвечает Валерий. — Мне дядя Андрей рассказывал. Он все знает. Какой это человек! И воевал здорово. И сам от пенсии отказался.

— Небось срока не хватило, — поджимает Любка губы, точно так же, как ее мать.

— Неправда, — горячится Валерий.

— А вот твой батька свою пенсию не отдаст.
— Может, тоже отдаст,— неуверенно говорит Валерий.
— Нет,— упрямится Люба.— Сам же говорил, что он у дяди Андрея деньги взял за квартиру.
— Так это ж он нарочно, чтобы не обижать его,— растерянно бормочет Валерий и сердится на себя, что проболтался.

Игра не клеилась.

Раньше у них лучше все выходило. И в Робинзона играли, и на необитаемые острова ездили.

А игра в охотники просто здорово получалась! Во время войны Любина мать на Урале жила, в заводской библиотеке работала, у них и дома было много книг про золотоискателей да про таежные истории. Валерка отцовы «Охотничьи просторы» за весь год перелистал.

Из палок смастерили ружья. Любка, бывало, спрячется за скамейку— только бант виднеется — и оттуда кричит: «Огонь!» Или на забор взбиралась. Он весь в зеленых шапках лишаев. Погладишь — мягко, словно бархат. А весной у забора — запах жасминный, острый как уксус, темновато и сыро; можно вполне вообразить, что в самые джунгли попал.

На деревья лазил Валерий. Кричал оттуда:

— Вижу остров и на нем — белые медведи.
— Сколько?—спрашивает Люба.
— Два медведя и детеныши. Стрелять буду!
— Детеньшей не убивай. Нельзя!—визжит Любка и мчится к дереву.— Закон охоты!

Придуманый ими «Закон охоты» всегда производит магическое действие. Валерка слезает с дерева. «Ружья» сложены, и обсуждается маршрут поездки в другую охотничью область. Расстояние не смущает. С Урала они свободно перебираются в Африку, потом на Кубу и вдруг оказываются в горах Югославии.

— А хорошо бы на самом деле поехать,— мечтает Люба.— Твой отец может нам машину дать?
— Сейчас нет, а вообще может. Он добрый, он всех возит на охоту. Он очень смелый и очень добрый! Валерке хочется, чтобы Люба забыла тот неприятный разговор. Ему уже и самому кажется, что никакой истории с деньгами за квартиру не было, а ту сцену на дворе, когда мать за Полканом бегала, он просто увидел во сне. Когда днем заснешь — черт-те что снится.

— У меня мама тоже добрая,— серьезно говорит Люба,— она всем соседям продукты достает. И вашей работнице Маше давала.

— Мы ее теперь Марией Павловной зовем,— поправляет

Валерий.

. — А не все равно?—наклоняет голову Люба.

— Мария Павловна на войне была. У нее медаль «За отвагу»,— сердится Валерка,— тебе говоришь одно, а ты другое.

— Неужели на войне?—удивляется Люба.— Что же она там делала? Санитаркой, наверное?..

— Снаряды возила. Вот что!

Видно по всему, что «охотники» сегодня не поедут в Африку.

К ним подходит Юра.

За последние дни он побледнел, словно отмылся в

ванной. Отец принес ему дешевые, в простенькой оправе очки. Они давят ему на переносицу и поэтому Юрка подкладывает под дужку кусочек бумаги. Черные его вихры топорщит ветер.

— Сыграем в охотников,— предлагает Валерий и объясняет правила игры.

Ребята отправляются на «Алтай». Так они зовут пустырь за садом. Груды битого кирпича и камня вполне сходят за горы.

— Волки!—кричит Валерий и с палкой наперевес бросается вперед.

— В горнорудном Алтае волков не бывает,— тоном знатока говорит Юра, и это действует на Валерия так, будто ему на голову вылили ведро холодной воды. Он в смущении останавливается. Ноздри его расширены. А Любочка залиvisto хохочет.

— Ошиблись твои «Охотничьи просторы».

— Давайте лучше охотиться на рябчиков,— предлагает Юра.— Их интересно искать. Помню, слетел один с пихты и сел недалеко, никак я его найти не мог...—

— В самом деле? И ты охотился?—удивляется Валерий.— А тетеревов бил?

Юра хмурится.

— Их трудно бить. Я за все время, что с отцом ходил на белки, только одного застрелил. Шалаш нужен и чучело. Тетерки близко не подпускают. А рябчика чуть было руками не поймал. Он в снегу лежал. Однако я маленько растерялся, не сообразил, как его взять...— Юрка садится на камень, вспоминает. Тоненькие морщинки на его лбу разглаживаются.

Валерка гнездится рядом, спрашивает про белки.

Оказывается, это горы такие. Они в белых снежных шапках, потому и называются так. Любка, опершись пухлым подбородком на «ружье» и наклонив голову, внимательно вслушивается.

Желтыми ежиками перекатываются по земле листья.
А Юра потихонечку все растягивает и растягивает свой рассказ о тайге. Он говорит о могучих – «два человека не обхватят» – кедрах, о пушистой лиственнице, о жгучих–искры залпом кверху – кострах из целых деревьев, что разжигают охотники в студеные дни, когда и дышать–то трудно на седых полянах.

– Значит, ты правда охотник?–с завистью спрашивает Люба.

– Я бы лучше мог стрелять, да глаза болят,– скромно отвечает Юра,– поправляя на носу очки.– Охотничий билет, однако, есть.– Он достает из кармана бархатной курточки зеленую картонку, обернутую в плотную бумагу, и подает Валерию.

– Это пока временное удостоверение. Но все равно считается билет.

– Ух ты!–в один голос восклицают Люба и Валерий.

– Весной у нас на Алтае хорошо,– продолжает Юрка.– Жарки цветут. Это цветы такие оранжевые, большущие, как зонтики. А когда потеплеет, ягоды пойдут, и в одно и то же время одни цветут, другие уже созревают.

– Как же это?– удивляется Люба.

;– Внизу малина в августе созревает, а выше в горы поднимешься – там холодней, и земляника цветет, а еще выше – подснежник...

Юрка рассказывает обстоятельно, как книжку читает.

– А зимой у вас, наверно, жутко. Бураны воют,– поживается Люба.

– Нет, и зимой хорошо,– Юра снимает очки и машет ими,– все блестит вокруг, а реки никогда не замерзают. Вода прозрачная и все на дне видно: разноцветные камни – красные, зеленые, желтые...

– А хорошо быть геологом!–восклицает Валерий.

– Еще бы! – соглашается Юра.– Отец узнавал – мне можно в поисковую партию – на все лето.

– Какие же у нас поисковые партии?–удивляется Люба.– Тут и ископаемых–то нет.

– А магнитная аномалия, а фосфориты?..– Глаза Юрки заблестели.– И доломит, и трепел – все, однако, нужно для химии. Я читал, что здесь многое еще не разведано. Вот кончу школу – ив геологи.

– Интересно идти той дорогой, которую сам себе мостишь!–говорит Валерий. Эти слова он где-то слышал. Они ему нравятся и Валерка их всегда повторяет при удобном случае.

– Меня мама в торгово-кулинарную хочет устроить,–

говорит упавшим голосом Люба.

— А ты? — спрашивает Юрка.

— Я летчиком хочу быть.

Старый сад дышит сыростью. Потревоженная, перемытая
дождями луна нехотя показывается над забором.

Письма в будущее

- Мальчишки!—таинственно заговорила Люба. Лицо ее, освещенное косым лунным светом, стало неузнаваемым.— Все эти игры в охоту, и в Робинзона надоели. Давайте с завтрашнего дня писать письма в будущее.
- Как?—не понял Валерий.
- Очень просто. Письма восьмидесятикам.
- Юра снял очки, щурясь, виновато улыбнулся.
- Пятидесятники — слышал. Это секта такая. Восьмидесятников не знаю.
- Какие вы непонятливые,— рассердилась Люба, и сбросив туфлю, постучала ею по скамейке, выбивая песок.— Восьмидесятники — это те, кто будет жить в тысяча девятьсот восьмидесятом году!
- Восьмидесятом...— Валерий тут же подсчитал. Получилось, что ему в тот год будет двадцать девять. Бородой обрастешь. Впрочем, можно рассчитывать и на ультрановейшую радиолучевую бритву. Включаешь радио. Зеленый глазок рассказывает тебе о том, что еще один пионерский лагерь открылся на Амазонке, а в это время невидимый луч мягко сбивает выросшую за ночь бороду.
- Написать, конечно, можно,—сказал Валерий,
- но вот кто-нибудь найдет письмо, сфотографирует и п шлет в газету. А письмо-то с ошибками...
- А ты пиши без ошибок... Вот так: «Письмо неизвестному другу, сидящему на второй парте, слева от окна...» — торжественно произнесла Люба дикторским голосом.
- Валерка усмехнулся и, подделываясь под Любкин голос, продолжал:
- Неизвестный друг! У нас сегодня был урок химии. Мы здорово наглотались сероводорода, но нам себя не жаль, мы работали для будущего без вытяжных шкафов.
- Перестань!—Люба обидчиво прикусила губу. Из глубины старого сада наступали тени, но чем выше поднималась луна, тем они становились короче, чернее и, наконец, совсем исчезли за развалинами каменной стены.
- А что? Это интересно,— Юра постучал палкой о землю.— Письма мы замуруем в какой-нибудь сосуд и закопаем в землю. Маленький таежный охотник, горбоносый и худой, он казался теперь похожим на орленка.
- Валерий молчал, положив ногу на дырявое ведро. Он не мог долго пребывать в заоблачных высотах и, быстро спустившись на грешную землю, вполне прозаично размышлял

о кортике, который ему обещал отец.

— Только правду надо писать. Все, как есть! — заговорил опять Юра.

Валерий оживился:

— Ладно. Пусть по-вашему. В моей башке накопилось кое-что интересное для потомков. Только писать я не хочу. Еще не хватало от лунатиков «двойки» получать. Я просто расскажу перед магнитофоном, а пленку принесу. Замуруем. И еще вот что...

Валерий встал, ударил ногой по ржавому ведру. Заскрежетав, оно откатилось в кусты.

— Если уж писать или говорить в будущее, так уж действительно в будущее. Прибавим еще сотенку лет. Валерий хотел пнуть свалившуюся со скамейки палку— «ружье», но Люба подняла руку, точно в классе.

— Постой. Береги ботинки. Значит, мы обращаемся к тем, кто будет жить в двухтысячном году?

— Прибавь еще восемьдесят лет, Ракета.

— Пусть будет так,— согласилась Любка.

Юра снова взялся за очки, задумался.

— Ты чего?—спросил Валерий,— не согласен?

Юра встал, морщась и потирая колени.

—

Записывать на пленку, однако, трудно тебе будет при всех.

Начнешь выдумывать...

Валерий рассердился:

— Почему при всех? У меня есть шнур. Микрофон поставлю на окне, за шторой. А магнитофон пусть крутится в комнате... под кроватью.

Солдат нёс жизнь

Валерий сам не знал, как это получилось? Он нагрубил Маше. Все из-за ерунды. Захотел он вафель апельсиновых, а она ответила: «Ишь, барчук. Сам бы в магазин сходил. Не маленький».

Что ей наговорил, он даже толком и не помнил. Юрка презрительно посмотрел на Валерия и ушел один в кино, хотя договаривались идти вместе. Раньше, до приезда дяди Андрея, Маша все капризы молча сносила. А теперь — нет.

Вечером она рассказала дяде Андрею обо всем, он только покачал головой.

Марина Ивановна тут же попыталась вступить в разговор:

— Не беспокойся, Валек. Мне Любкина мать обещала принести эти вафли. Если уж нашей Марии Павловне трудно...

Отец вышел из кабинета, сонный, недовольно кашлянул, и она замолчала, обиженно поджав губы.

Дядя Андрей придвинул к себе стакан чаю, задумчиво помешал ложкой и заговорил:

— Мне вспоминается, друзья, блокада... Наши казармы помещались тогда на Лесном. Служил я сначала рядовым. Ну в Ленинграде, сами знаете, как было. Все мы голодали.

Валерий, забыв про несчастные вафли, наострил уши и пристально глядел на дядю Андрея.

— Сестра у меня в то время в Ленинграде жила с тремя ребяташками, — продолжал дядя Андрей. — Самому старшему Феде только пять исполнилось, остальные — совсем маленькие. И знал я — погибают они от голодухи. Припас я несколько солдатских пайков хлеба. Выдавали нам тогда по сто шестьдесят граммов. Хлеб зеленый, смолистый, вперемешку с хвоей, а все же хлеб. Только бы побольше! И сахару кусочков десять сэкономил. Но как доставить? И я решился. Рассказал все, как есть старшине. Хороший попался человек, однако предупредил: «Законы военного времени знаешь? Опоздаешь, беда будет».

Вышел я вечером из казармы. Хлеб держу за пазухой, а сам шагаю проходными дворами, чтобы сократить путь. Иду, и качает меня. За последние дни здорово отошал. И замерз совсем. Жили они на втором этаже. Лестница скользкая. Кое-как взобрался. Толкнул дверь, вхожу. Положил на стол гостинцы и смотрю, что будет. Сестра как окаменела, глазам своим не верит. Думаю, Федя первый кинется. А он стоит в углу, вытянулся, серьезный такой и ждет — глядит, глядит на

мать, а сам не шелохнется. Остальные ребятки — на кровати и чуть дышат. Холодно. Склепом пахнет. Пол кровати я нашел полено. Берегли они его. Наколот лучинок, разожгли мы железную печку. Сразу повеселело. Сестра воду вскипятила и разлила по кружкам. Кусочек сахара положила возле каждого. Тут только Федя вышел из угла, степенно, как большой, взял кружку. Сделал первый глоток, обжегся. Притронулся к сахару осторожно, стал медленно пить. Смотрю — кружочки пошли у него по щекам. Глазки заблестели...

Дядя Андрей замолчал, отставил пустой стакан...

— Ну что? Пошел назад, в казармы. Идти далеко. Километров пятнадцать, да еще мороз. Совсем я ослабел. Хоть бы до рассвета добраться.

Дорога скользкая. Возле одного дома упал, а подняться нет сил. Ну, думаю, конец. Опоздаю на поверку — в трибунал меня. Голова совсем кругом пошла, и в глазах темно. Вспомнились вдруг школа, институт,

шумное общежитие. И лица передо мной такие веселые, ясные. А то, будто мать подошла, положила руку на плечо и что-то вроде говорит мне, а что — не пойму. Кое как приподнялся, прислонился к стене. Глаза открыл и вижу — две женщины возле меня. «Давай сюда, — гозорят, — в эту дверь. Здесь топят. Отогреешься». И точно.

Посадили меня возле печки, кто-то кипятку дал. Выпил я, разогрелся и потянуло меня на сон. Только чувствую, толкают меня: «Нельзя, солдатик, спать. Светает уже.

Добирайся до своих. Иди! Надо!»

Снова поплелся я. Слышу, повозка тарахтит, рогожей прикрытая. Умерших на улице в такие собирали. Уцепился за нее. Проехал километра два. Потом показался грузовик. Подсадили меня, проехал еще, не знаю, сколько. А там и казармы завиднелись. Словом, вернулся благополучно. А тут скоро и подъем. В строй встал, как положено. Голова словно горячей ватой обложена, а на сердце легче стало. Гордость такая и за себя, и, главное, за Федьку. Так и сейчас перед глазами он. Стоит в углу, на хлеб и сахар смотрит, а выдержка... У иного мужчины такой не бывает.

Валерий взглянул на дядю Андрея и подумал: «Сейчас добавит: а ты говоришь — вафли». Но дядя Андрей ничего больше не сказал, и Валерий оценил это.

Марина Ивановна с покрасневшими глазами встала

из-за стола, собрала посуду и необычно живо сама понесла ее на кухню. Отец захватил газету и двинулся в свой кабинет.

Валерий осторожно притронулся к локтю дяди
Андрея:

— Спасибо вам...

— За что?

— За то, что вы такой... хороший.

— Ну это ты брось, брат...

Долго не мог успокоиться в тот день Валерий.

И ночью ворочался с боку на бок и, засыпая, бормотал:

— Веду запись. Слушайте, слушайте рассказ дяди
Андрея.

Снились ему марсиане. Маленькие, худые, щеки сморщенные,— ну прямо апельсиновые вафли, а в глазах огонь.

Люба остаётся одна

Спозаранку Валерий возился с проводами. Магнитофон спрятал под столом в комнате дяди Андрея. Здесь никого не было. Дядя Андрей с Юркой ушли на воскресник в интернат. Они еще с вечера точили лопатки, перевязывали рогожкой саженцы. Звали и его на подмогу, но Марина Ивановна начала опять нудный разговор, и Валерий решил не перечить ей – остаться дома.

К тому времени, когда проснулись мать и отец, вся Валеркина «система связи» была готова, микрофон, установленный на окне, напротив сарая, действовал безотказно. Валерий хотел первым делом записать ленинградский рассказ дяди Андрея, но у него ничего не получилось. Он то надолго замолкал, то мычал, точно в классе, когда не знал урока. Проверив звучание куцей записи, разочаровался, оставил затею. «Придется сначала записывать на бумаге, а потом уже диктовать, решил он. А писать – это Люба мастер. Сочинения у нее всегда пятерышные. Я ей перескажу. Что-то давно ее не видно?»

Валерка представил на миг Любкино смеющееся лицо. И только подумал о ней, как в передней зазвонил звонок. Валерка выскочил во двор. За калиткой – ну и легка на помине! – стояла Люба. Она робко осмотрелась и медленно вошла на веранду – глаза набухшие, маленькие, взгляд тревожный.

– Что случилось?

– спросил Валера.

– Пойдем в сад...

Люба чего-то не договаривала.

– А я с магнитофоном возился, – начал было он.

– Ты можешь выйти или нет?

Валерка поспешно захлопнул дверь.

– Что с тобой, Ракета? – спросил он, как только они пролезли через пролом в заборе.

– Маму... – Люба заплакала, – осудили... Недостача у нее...

– Что? Какая недостача?

Любочка ничего вразумительного не могла ответить и только терла покрасневшие глаза.

– А давно это самое... случилось? – выдавил из себя Валерий.

– Позавчера... Вообще-то и раньше... намекала.

И письмо заранее тете написала... обо мне.

– И ты мне ни слова?..

– Стыдно было, – Люба комкала мокрый от слез платок. – Мама бегала по всем, хотела занять. И к вашим прибежала... Все надеялась.

– Ну и что? – насторожился Валерий.

– Никто не дал.

Они сидели на старой скамейке, подавленные страшной вестью.

— Как же ты теперь будешь?—спросил Валерий. Он знал, что после смерти отца жили они с матерью трудно. Но последнее время дела у них пошли лучше. «Она у меня добрая, мама. Всем соседям масло приносит, кому некогда по магазинам ходить»,— вспомнил он Любочкины слова. Добрая... Да, какая же это доброта? Как же после этого жить Любке? Задразнят ее теперь в школе. Нет, Любку нельзя давать в обиду.

— Вот что,— сказал Валерий,— жить ты будешь у нас, пока мать не вернется.

— Откуда?—спросил подошедший к ним Юрка.

— Из тюрьмы...

Люба опять уткнулась в платок.

Юрка непонимающе замигал глазами.

Валерий тронул приятеля за плечо:

— Потом все расскажу.

— Ау вас дома шурум-бурум получился,— неожиданно сказал Юра.

— Где? Какой еще шурум-бурум?

Валерий вспомнил про магнитофон. Неужели не выключил?

— Лампы, что ли, перегорели?

— Хуже... Отцы наши поругались. Окончательно.

Сначала о школах говорили, потом о литературе разговор был. Что она должна... Ну, да... О честности напоминать и справедливости. Батяка всегда повторяет эти слова. А твой только посмеялся в ответ. Я, говорит, от своей собачьей коммерции больше пользы получу.

— Какой еще коммерции?—удивился Валерий.

— Да, говорит, породистых щенков решил разводить.

Они в цене теперь. И закутки для них оборудовал. Мой батяка, однако, совсем разгорячился. Я, кричит, спасал человека, а не торговца щенками... Ты уж не обижайся, Валера. Я все рассказываю, как есть. А мы-то по-прежнему друзьями будем. Правда? Ты не обижайся.

— Я и не обижаюсь.

Валерий ухватил себя за чуб и потянул, как бы желая проснуться.

— А дальше что?

— Ну и мать твоя подошла к сараю, где они ругались, мирить стала, да где там. Мария Павловна с базара пришла и тоже — в слезы, как только чемодан увидела. Очень она отца уважает, ну ты знаешь... Валерий все сильнее теребил свой чуб.

— Какой еще чемодан?

— Да ушли мы от вас. Я, понимаешь...

— Понимаю,— поник головой Валерий и, резко повернувшись,

пошел из сада. Потом опомнился, повернулся к Любе:

— Ну, пойдешь к нам?

— Не-е знаю... Может, не сегодня? Может, потом, когда все уляжется, а?..

Дома Валерий прошел сразу в «Козловскую комнату». Окно было открыто. Микрофон никто не убрал.

Юркина раскладушка стояла там же, где и раньше, но уже без одеяла. Приподняв скатерть, заглянул под стол. Магнитофон зло подмигивал зеленым глазком, и разгоряченный, шипел, хлестал лентой намотавшейся катушки. Валерий остановил его и, сделав обратную перемотку, включил на воспроизведение.

Сначала послышался петушиный крик. «Это Маша, наверно, петухов с базара принесла, — подумал Валерий, — вчера мать говорила, что надо купить живых, они теперь дешевые».

Валерий увеличил громкость. И вдруг, после шипенья и какого-то стука послышались резкие слова дяди Андрея:

— Я спасал человека, воина, а не заживевшего каплуна... торговца...

Валерий вздрогнул:

«Зачем Юрка при Любе рассказывал. Мог бы и по

том... Эх!..»

А магнитофонная лента безжалостно повторила нараспев:

— По-ро-ди-сты-ми щенка-ми...

Валерий услышал покашливание отца.

— Да разве я один? И что ты находишь особенного?

— Эх, ты... гвардии полковник, коммунист... Тебе государство пенсию дало за прошлые заслуги. Это правильно.

А сейчас что ты государству даешь? Щенков разводишь?

— Скучно. Ведь надо же чем-нибудь заниматься, — оправдывался отец.

— Ишь ты, нашел дело, которое тебе лично выгодно.

А ты такое найди, чтобы людям польза была, обществу.

Молчишь?! — гремел на весь дом голос дяди Андрея.

Валерий опомнился и выключил магнитофон, но было уже поздно.

В дверях стоял отец. Бурые пятна ходили по его плотной, в складках шее, выползали на подбородок и вверх — к припухшим, в синих прожилках щекам.

— Что это такое!?

Голос у отца был хриплый. Или это лента плохо отрегулированного магнитофона продолжала свое дело?..

— Это? — растерялся Валерий, — это?.. Это мы в будущее... играли. Это случайно...

И произошло странное. Отец как-то сник, не сказал ни слова, повернулся и ушел.

Щелкнула щеколда. Жалобно затенькал цепью присмиривший Полкан.

Мёртвая тишина

Первые минуты, как только отец ушел из дому, были для Валерия особенно тягостными. Он чувствовал, случилось что-то ужасное. «Но я же не нарочно. Надо догнать отца и все ему объяснить. Просто магнитофон забыл выключить: прибежала Любка... Отец все поймет. Я же не нарочно. Дядя Андрей сказал, что отец – тунеядец. Это неправда. Что из того, что отец не работает?

Он заслужил...»

Валерий заспешил в отцовский кабинет.

Разве отец не заслужил? Здесь, в ящике, его боевые ордена, медали. «За отвагу» – вот она, первая солдатская! Валерий вспомнил, как отец говорил: «Эта награда мне дороже всего. Память сердца...» Он служил на границе. И когда из строя выбыл командир взвода, взял на себя команду. Сам повел бойцов...

А орден Красной Звезды. Под Москвой ему дали.

Панфиловцы... Конечно, он был там, вместе с ними. Он защищал Москву.

Орден Отечественной Войны первой степени. Именно первой степени... Отец получил его за «Бобруйский котел»... Это, наверно, уже после того, как дядя Андрей его спас от смерти. Нет, неправду сказал дядя Андрей. Ну и что ж, что отец сейчас не работает. Вон сколько у него седых волос! В сорок пять лет. А как же дядя Андрей? Он работает и тоже воевал, как отец, и ровесники они... От пенсии отказался. Ну это его дело. Он отцу не указ, звание у него капитан... И полководческого ордена «Александр Невский» нет... И зачем только отец вздумал разводить щенков на продажу? И яблоки продавал на базаре.

Валерий вспомнил человечка с жирными заплывшими глазками. Он и сейф принес. А зачем сейф? Все равно самое дорогое – ордена лежат в ящике. Неужели сберегательные книжки надо в сейфе держать? И над решетками соседка издевалась, кричала: «Куркули проклятые». А что такое куркули? Наверное, что-нибудь обидное.

Валерий осторожно положил награды в ящик, подошел к стене, погладил кортик.

Нет, дядя Андрей не должен был так говорить.

– Валерий! – позвала мать. – Куда все запропалились? Взяли этих квартирантов на свою шею. Говорила я... Учитель тоже, а держать себя не умеет. Валерий подошел к матери:

– Мам, не надо... Они сами разберутся.

— Ну, ты меня не учи! Сам выбирай друзей поаккуратней.
Вон Любкину мать засудили...

— Что ты говоришь!—перед глазами у Валерия замелькали
оранжевые круги.

Он выбежал из дому.

Вслед за ним поднялась со своими пожитками и Мария Павловна.

— А ты куда, чучело?

— Я тебе, Матрена, не чучело. Хватит, наизмывалась.

— Меня зовут Марина Ивановна...

— Матрена — так ты и есть Матрена, какое гнездо
ни сооруди на голове, какой халат ни надень.

— Расчет немедленно!

— Уже рассчитались.

Маша хлопнула дверь. Откровенный разговор, наконец,
состоялся.

В доме Дунайских стало тихо, как в могиле.

Над рекой холодный ветер

Валерка долго ходил по старому саду. Заглядывал во все тайники, дорогие местечки. Здесь, на вытоптанном пятачке они играли в Робин

зона и в «Космические корабли». Как хорошо было. Потом Юрка приехал... Снова перед глазами — утренняя история, и терзают

все те же мысли. Загремело рваное железо. На пустыре беснуется холодный ветер. Валерий топнул ногой. Облезлая кошка, сипло мяукнув, юркнула в полузасыпанный подвал. Он пошел на пустырь, туда, где даже по воскресеньям шла работа — рыли котлован. Экскаваторщик добродушно улыбался, двигая рычагами.

— А что здесь будет?—закричал Валера.
— Школу строим! Школу.
Валерий посмотрел на доброе спокойное лицо и почувствовал, что и сам он постепенно приходит в себя, успокаивается.

— А рабочих будете набирать?
— Без рабочих нельзя.
— Возьмите меня!..
— Подрасти, сынок. А потом обязательно возьмем.
И опять заскрежетала машина. Валерий постоял, с грустью посмотрел, как металлические зубья вгрызаются в землю и поплелся к прибрежному парку.

У костлявой, похожей на обдерганный веник, ракиты он увидел отца. Студеный ветер шевелил седые волосы, и они касались надломленной голой ветки. Во всей его фигуре было что-то невыносимо жалкое.

У Валерия сдавило дыхание, на глазах навернулись слезы, и он ринулся к нему, но какой-то внутренний голос вдруг заставил его остановиться.

Валерий вспомнил, как взбирался на крутые плечи отца, обхватывая руками его жесткую, кудлатую голову, и, представляя себя верхом на боевом коне, кричал:

— Вперед! Заре навстречу...

Это — из любимой отцовской песни.

Потом они мирно усаживались на широком диване в отцовском кабинете. Отец снимал с рыжего ковра кортик и протягивал ему:

— Подрастешь — подарю. Считаю своим наследством.

Это, сынок, не какое-нибудь там рядовое наследство, а символ... Хо-хо... Запоминай... Боевой славы символ... Должен понимать...

Отец любил говорить поучительно и такими подчас

высокопарными словами, что, казалось, голова безобидного лося, прибитая над самой дверью, конфузливо ежилась и поджимала черные губы.

Правда, Валерий не придавал особого значения тому, что говорил отец. До него доходило только главное: у него будет кортик! Ну и отлично.

А такие слова, как «символ» и «наследство» из-за частого употребления перестали его волновать и он выслушивал их равнодушно.

Когда в кабинете появился лощеный сейф, отец вообще перестал вспоминать о маленьком сверкающем кортике.

А что если напомнить? Сейчас.

Валерий оглянулся. Отца уже не было. Он ушел.

Серые тени устало тащились по берегу за низкими холодными тучами.

Вперёд, ракета!

Люба сидела на чемодане, перевязанном бельевой веревкой. Вокруг нее на полу пестрели брошюры о детском питании, ревматизме, коклюше. Весь этот «санпросвет» мать старательно выискивала в киосках, когда Любочка была совсем маленькая.

Скрипнула дверь, заколыхалась холщевая занавеска. Из коридора выглянуло обеспокоенное лицо соседки. Бабушка Василиса жила одна. Муж у нее умер еще до войны, а сыновья оба погибли. Любкина мать часто помогала ей: то пачку печенья сунет, то пару яблок помягче принесет из своего магазина, а Любка бегала для нее на колонку за водой или в аптеку...

Осмотревшись, бабушка спросила:

— Собралась, что ль, куда, Любаша?
Девочка ответила не сразу. Подперев кулачками пухлый подбородок, долго смотрела в одну точку:

— Во Львов поеду. Там мамина сестра живет.
— Любушка, даль-то какая!
В глазах у старушки — жалость. Любочка ей очень нравится: рассудительная, уважительная. Попросишь что — мигом сделает. И всегда спокойно, без суеты. И надо же: пришла беда нежданная. Одна теперь, как перст.

— Лучше бы не ехать тебе. Оставайся со мной, Любаша. А тетке еще письмо пошлем. Глядишь, и денег придет. Тут еще Маша приходила. Пусть, говорит, не печалится. Мы с товарищем капитаном что-нибудь придумаем. Это кто же капитан? Тот, что с мальчишкой хилекъшш из Сибири приехал?
Люба ничего не ответила, почувствовала, как у нее горят уши.

Кто-то громко забарабанил во входную дверь. Потом в полутемном коридоре загремели ведра, и в комнату метеором ворвался Валерий.

— А, чубатый! Пришел-таки навестить, — засуетилась бабушка Василиса. — Ну, потолкуйте тут, а я вам чайку согрею. Вместе-то лучше!
Валерка заметил чемодан, и его широкие брови задвигались.

— Так и знал. Уже собралась... А я деньги принес. В руках у Валерия — пачка помятых пятерок.
— На мотоцикл копил? — спросила Люба.
— Ну и что?... Сам бы уехал, да отца жаль.

Валерка сел на табуретку и стал рассказывать все по порядку.

— Нет, нельзя тебе уезжать,— решила Любка.— Надо, чтобы они помирились.

— Пойдем вместе к дяде Андрею,— Валерий с надеждой посмотрел Любке в глаза.— Может, тебя в интернат возьмут.

— Интернат?

Люба толкнула ногой чемодан под пустую кровать, заговорила тихо, словно про себя:

— Ну что ж. Пусть интернат. У нас там слет пионерский проходил. Ничего, чисто, и ребята хорошие...

— Пойдем,— заторопил Валерий.

Ему очень хотелось поговорить с дядей Андреем, но одному было неловко, а теперь получилось все само собой.

Едва не сбив с ног бабушку Василису, они выбежали на улицу.

— Не вешать нос!—кричал Валерий.— И в самом деле, чего хандрить? Вперед, Ракета!

— А ты уроки сделал?—вдруг удивительно спокойно и рассудительно спросила она.

Валерий остановился, потирая лоб, как будто стукнулся о стену.

— Сочинение? Еще вчера написал. На вольную тему.

Все полностью, как есть, чтобы Иван Афанасьевич не жаловался. А то еще вздумает к отцу прийти. Особенно сейчас...

— Я понимаю,— вздохнула Люба.— Ты уж теперь держись...

— Я уж и так решил все учить. Только задачка никак не получается. Опять эти трубы. Из одной вода выливается, через другую вливается...

Люба впервые за все это время улыбнулась.

— Позвони в бюро добрых услуг.

— А что, Любка, будет такое бюро при коммунизме!

— Ага,— понимающе кивнула Люба.— Раздается в трубке плаксивый голосок: —«Бюро добрых... добрых услуг?»—«Да, что тебе, мальчик?»—«Помогите задачку решить». В трубке щелчок. Включается, понимаешь, машина такая. Электронный, значит, голос: —«Сообщите условия». —«У меня два яблока. Одно я отдал товарищу. Сколько осталось?» Ну а машина долго молчит, пришепetyвает, а потом спрашивает ледяным голосом: «Почему не получается? Считай лучше. От двух отнять одно».— А я не отнимал. Я оба яблока сам съел!..— телефонная

трубка наполняется слезами.

В глазах у Валерия — удивление и восторг:

— Здорово ты придумала про эти яблоки.

— Я люблю яблоки...

— А ты ела что-нибудь сегодня?—спохватился Валерий. Люба молчала. Валерий взял ее за руку и потащил на противоположную сторону улицы к дому с колоннами и длинной вывеской во всю стену: «Молодежное кафе».

Они вошли в вестибюль, неловко оглядели себя в зеркало, оба покраснели и сели в углу.

— Подождите,— бросила официантка и пошла к другому столу, где звенели стаканами какие-то люди с красными лицами.

Валерий ползл к буфетной стойке. Через минуту он поставил перед Любкой бутылку кефира и тарелку с крепкими, не укусишь, яблоками. Потом принес кофе и два песочных кольца.

— Пей. Это настоящий, натуральный,—сказал Валерий.— Отец такой любит.

Но кофе был холодный и невкусный. Хриплый голос радиолы напоминал про пыльные тропинки далеких планет...

Валерий расплатился, сказал: «Сдачи не нужно», таким же снисходительным тоном, как отец. Он был с ним однажды в ресторане.

—

Ну вот мы съели мотоциклетный фонарь,— грустно заметила Любка,— тебе не жалко? Скажи по правде. Валерий покачал головой и густо покраснел.

—

Мне теперь ничего не жалко.— Он опять взял Любочку за руку.—

Пошли.

Валерию вдруг стало весело.

— Все будет хорошо. Ты не бойся. Лишь бы дома у нас все уладилось.

—

Я верю. Так и будет.

Она на секунду замолчала, а потом произнесла твердо и спокойно:

— Запишем на пленку. Пусть знают всю правду, как у нас было.

—

А ты не боишься все написать?

— Я и так уже написала. Читай.
Люба достала из кармана небольшой сверток. В нем
лежали пионерский галстук и две тетрадных странички.
Одну из них подала Валерию.

Он пробежал глазами по написанному и прочитал
вслух:
«Мама хотела сделать меня счастливой. Но настоящее
счастье добывается честными руками...»
Глаза у Любки — мокрые, блестящие.

Мирный визит

Дядя Андрей усаживал гостей за стол у недавно побеленной плиты, на столе — две глубокие тарелки, две ложки и синий кофейник.

— Нет, нет, — нам ничего не надо, — по-взрослому сказала Любка.

— Мы только что пили кофе, — предупредил Валерий.

— Ну что ж, тогда погрызьте кедровых орешков.

Дядя Андрей поставил на стол фанерный ящик. — Это нам лесничий Егор прислал с Алтая.

Юрка в неуклюжих очках, бледный, невеселый, полулежал на кровати. Ноги его были прикрыты отцовской шинелью, из-под нее торчала алюминиевая солдатская фляжка — вместо грелки.

— Опять ревматизм? — спросил Валерий, а у самого беспокойная мысль: рассказал ли Юрка своему отцу про историю с магнитофоном?

— Опять, — Юрка настороженно поглядел на отца.

Тот морщил лоб и молчал.

Валерий не знал, как ему начать разговор, и запустил руку в ящик с орехами.

Любка приспособилась быстрее всех. Зеленым камнем из Юркиной коллекции минералов она разбивала орешки.

Валерий оглядел только что побеленные стены. Пахло сыростью и зубным порошком. Во всех углах — развязанные стопки книг.

«Как много! В одной комнате больше, чем у нас во всем доме».

На самодельном стеллаже — толстенная книга академика Ферсмана «Занимательная минералогия». Юра ревниво следил за взглядом приятеля:

— Вместе с орехами и книги пришли. А Ферсмана я давно ждал...

Валерий понимал: Юра говорит первое, что приходит ему на ум, а не то, что нужно сказать сейчас. Чувствовали это и Люба, и дядя Андрей. Разговор не получался.

Они, поглядывая друг на друга, грызли орехи.

Настенные часы отсчитывали минуты. Рядом с ними в простой рамке из сосновых планок портрет: благородный профиль и пышный воротник, белыми, складками.

Валерка про себя читает: «Мигель де Сервантес Сааведра».

— Пап, я говорил, что Валерка придет,— нарушив тишину, говорит Юра.

— Разве кто сомневался? Правильно сделал,— как бы продолжает прерванный разговор дядя Андрей:— Человек должен быть прежде всего человеком и всегда говорить правду, иметь твердость в убеждениях...

— Но нельзя же обижать друга... — испуганно моргает глазами

Валерий.

Дядя Андрей подходит к нему.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Я понимаю...

Дядя Андрей замолкает, и всем кажется, что он никак не может подобрать нужные слова.

Становится слышно, как на школьном дворе ворочается старый клен. Сизые сумерки охватывают его. И перед тем, как успокоиться на ночь, он погрозил напоследок в окно мохнатой лапой. И тут же заморгали потревоженные звезды.

Дядя Андрей взглянул в окно, задвинул шторку и опустил на смятую кровать у Юркиных ног.

— Был у нас в роте парень,— будто нехотя начал он.— Освободили мы его из фашистского застенка в одном из городов на границе с Украиной.

«Зачем это он вдруг ни с того ни с сего?» — думает Валерий и ему кажется, что дядя Андрей просто хочет вспомнить какой-нибудь фронтовой эпизод и отойти от главного.

Вон и Люба смотрит на дядю Андрея удивленно.

А Юра спрашивает:

— Пап, опять ты про войну?

— Все одно с другим связано,— многозначительно говорит дядя Андрей. — Послушай, сынок. Послушайте, ребята...

Но уж после этого нельзя не слушать. Да и все же интересно про войну.

— Звали его Егором,— продолжает дядя Андрей.—

Боец Егор Славушкин. Пришел он к нам в обтрепанной вельветовой курточке. Весь пропахший тюремной хлоркой, изможденный, худыми руками за дверь держится, глаза как вдавленные. Подкормили мы его, подлечили, одели. Ожил, разговаривать стал и все в бой просится. Пошлите, говорит, на самое опасное...

Перед войной на литературном факультете он учился, два курса успел окончить. Разговорились. Рассказал он о своем городе. Пединститут года три, как открыли, техникумы работали. Завод-гигант начали строить. Специалистов

туда наехало из Москвы, из Киева... И многие там остались. Не успели эвакуироваться. Гитлеровцы неожиданно захватили город. Ну и, видно, приказ им такой из Берлина поступил – ничего не трогать на первых порах. С населением заигрывали, все хотели завод достроить и пустить на свои нужды. Кое-кто и пошел к ним работать.

Немцы провозгласили свой «новый порядок». Организовали тайную полицию и при ней «Русское гестапо».

Во главе его поставили местного уголовника. Бендеровские бандиты тожегодились. Из них набрали следователей и надзирателей в тюрьму.

Про бендеровские банды вы, наверно, и не слышали? Были такие на Украине.

– Нам историк рассказывал, – сказал Валерий, а сам подумал, что-то дядя Андрей сегодня разговорился, к все в сторону, в сторону...

– Ну и как же Егор Славушкин в тюрьму попал? – спросила Люба.

– Демократия их фашистская, – продолжал дядя Андрей, – скоро вся наизнанку вывернулась. Стали хватать людей по первому же подозрению.

От всех подследственных – виновен он или нет – добивались признания и тогда уже расстреливали. Кто не признавался – тому обещали сначала свободу, лишь бы согласился подписать протокол да написать побольше фамилий своих товарищей и знакомых. Так вот следователи эти изощрялись, как только могли. Многие из них тоже дрожали за свою шкуру. Тут-то беспринципность и расцвела, как дурман. Ох, эта беспринципность... Равнодушие...

Дядя Андрей задумался, подошел к окну, раздвинул шторку. С подоконника упала газета. Валерий нагнулся и поднял ее. С первой страницы глядело на него знакомое лицо: крутой лоб, в глазах – лихость и нос картошкой.

«Иван Щеточка – бывший пилот, ныне ударник коммунистического, труда», – прочитал Валерий.

Где-то он его видел? Наверное, к отцу заходил. Иван Щеточка... Ну и фамилия...

– Очень хорошие орехи, такие жирные, – сказала Люба. – А что такое беспринципность? Я понимаю, а вот объяснить не могу.

Юра усмехнулся.

— Что ты усмехаешься, — рассердился Валерий и скорее почувствовал, чем увидел, что Люба смотрит на него.

Дядя Андрей нервно зашагал по комнате, задевая распахнутым пиджаком спинки- стульев, на которых сидели Люба и Валерий.

— Наговорил я вам тут, ребята. Вы поймите одно. Весь народ нельзя ни обмануть подачками, ни запугать смертью. Но были слабые люди. Они считали, что какнибудь сторонкой можно прожить, и, мол, не тронут. А когда тронули и заставили каяться, с испугу-то и покаялись... Были такие... А если бы они всегда правду говорили, прямо в глаза смерти смотрели — глядишь, меньше страданий и другие бы приняли. Вот Егор Славушкин не покаялся, на своем стоял... Валерию опять показалось, что дядя Андрей больше говорит для себя, чем для них, и так волнуется. Вот он облизнул сухие губы, налил чаю из синего кофейника. Валерий спросил:

— А где же теперь Егор Славушкин?
Дядя Андрей засмеялся.

—
Это его орешки грызете. Лесничим на Алтае. Реятки, наследники вы мои, послушайте... С вами можно теперь, как со взрослыми... Помните о главном: правду всегда говорите в глаза. Проходим мы часто мимо плохих поступков, делаем вид, что не заметили, а в результате людей теряем, людей.

Бороться надо с нечистью.
«Бороться с нечистью!» — Эти слова Валерка где-то уже слышал. Ага, отец говорил.

—
Теперь я, кажется, понимаю, — Валерий порывисто встал. — Но если человек не все время, а иногда ошибается? Думает, что он всегда по правде живет, как многие, а на самом деле...
— Он должен понять свои ошибки.
Неожиданно погасла лампочка.
Дядя Андрей подошел к окну.

Над белой, кромкой баскетбольного щита повисла, как мяч, луна. Лимонный свет трепетал вокруг и делал неузнаваемым школьный двор. Спортивные сооружения стали похожими на огромные белые скелеты диковинных животных. И даже голые деревья соседнего сада, казалось, приблизились и посветлели. Свет дрожал, разбиваясь на миллиарды сверкающих хлопьев.

—

Зима! — воскликнула Любка.

— Первый снег, — сказал дядя Андрей.— Он еще растает.

— Как не хочется уезжать! — прошептала Любка Валерию, и в голосе ее послышались тоскливые нотки.

— Знаешь, не верю я и тетке. Приезжала она прошлым летом, какая-то ненастоящая. Жара стоит, а на ней лисий воротник. И все говорит: «Надо уметь жить» и все маму учила.

— Никуда ты не поедешь, — Валерий решительно взял Любку за руку.

— Как там наши лунники, ждут ли наши письма? — тихо спросила Любка.

— Ждут. Все будет хорошо.

Любка осторожно высвободила руку.

—

Опять у нас с пробками не ладится, — сказал дядя Андрей. Он чиркнул спичкой.

В комнате снова загорелась лампочка, а то, что было во дворе — эта, будто нарочно придуманная декорация, — отодвинулось вдаль.

«Неужели все это никогда не повторится? — подумал Валерий. — И это лунное окно, и Любкины холодные пальцы, и эта маленькая комнатка с портретом Сервантеса, и этот синий кофейник, и Юрка в своих смешных очках...»

Валерий удивленно, словно в первый раз в жизни посмотрел на Любочку, и в ее чуть печальных глазах увидел то, что хотел увидеть — мелькнувшую радость.

— Садитесь, ребята. От форточки дует, — весело и просто сказал дядя Андрей. — А я, пока не поздно, к директору интерната схожу.

— Зачем? — спросил Юра.

— Надо узнать, какие справки потребуются.

— Пап, тебе Мария Павловна все рассказала?..

— Да. Все будет в порядке. Не волнуйтесь, ребята.

Борьба продолжается

Переполненный автобус покачнулся на повороте и, не остановившись, промчался по лужам мимо шумной остановки. Козлов стряхнул брызги с фуражки, вытер платком лоб и зашагал по размытому тротуару.

Через несколько кварталов он свернул на центральную улицу и сел на трамвай. В конце вагона было меньше народу, и учитель сразу же опустился на свободное место у окна.

Тренькнул звонок, и за окном отодвинулся назад рекламный щит. Проплыла школа с большой телевизионной антенной на крыше. Кто-то из пассажиров задел его авоськой. Козлов отвернулся от окна. Возле него переминалась с ноги на ногу пожилая женщина в старомодной шляпке и с охапкой тетрадей в руках.

— Ах, простите. Садитесь, пожалуйста, — сконфузился Козлов.

У сквера он вышел и зашагал к двухэтажному дому.

Пройдя полутемный коридор, он наткнулся на обитую клеенкой дверь. На записке, приклеенной прямо к замку, строгим частоколом выстроились буквы: «Домоуправ ушел на объект».

На чугунной литой скамейке, попавшей сюда, видимо, из сквера, сидеть было холодно и неудобно. Когда

же придет этот управдом? От него многое сейчас зависит.

Козлов вышел на улицу, пошел к трамвайной остановке. Небо почернело, начался дождь, по лужам запрыгали круги, большие и маленькие.

У сквера потянуло прелью, мокрыми листьями, сыростью. В памяти возникло узкое, бледное, с настойчивым сверлящим взглядом лицо сына. Сегодня в школу хотел идти, а врач не пустила. Козлов вытащил из бокового кармана рецепт.

В аптеке было душно. Очередь медленно двигалась к низкому полукруглому окошку.

Управдом появился лишь после обеда.

Он выслушал Козлова и в ответ затянул тонким, почти женским голосом.

— Акт по обследованию материального состояния указанной сироты мы сможем оформить на той неделе в четверг, после...

Козлов почувствовал, как сильно начинает дергаться нижнее веко. Он сжал кулаки и, навалившись на стол всем своим мускулистым телом, неожиданно для самого себя выбросил озорные мальчишеские слова:

— После дождичка, в четверг? Не выйдет!
В коридоре засмеялись, слышались детские голоса. Управдом вышел из-за стола, одернул френч, резко захлопнул дверь.

— Ну так как же? — спросил Козлов.
Управдом уставился на учителя немигающими глазами.

— Я вам сказал. Мешаете работать.
Козлов положил фуражку на стол, плотно уселся на стул, поправил расческой буйную шевелюру и спокойно сказал:

— Работы пока не вижу. Одна волокита.
И чем увереннее, тверже говорил Козлов, тем беспокойнее начинал вести себя управдом. Неожиданное появление учителя очень испортило ему настроение. Под конец рабочего дня к нему обещала прийти новая жиличка, которой он должен был еще на прошлой неделе выдать ключи от комнаты. Он знал, что эта женщина долго странствовала по частным квартирам, жила в домработницах, а он все тянул с ключами в надежде на возможное подношение.

Когда-то управдом ходил в больших чинах, привык весело жить и теперь не терялся. Ему не терпелось избавиться от незваного свидетеля.

Голос управдома становился все визгливее:

— Послушайте, кто вы ей доводитеесь, этой девчонке? Никто? И мамашу ее не знали? Доходная была гражданка. А вы что, даже не в этой школе работаете? А имеется ли у вас вообще-то прописка? Не успели? Вот она, наша бдительность!
Что-то отвратительно знакомое послышалось Козлову в этих словах, произнесенных на высокой ноте. Где он еще слышал такой голос? Не этот ли человек во френче отвечал ему там, на Алтае, когда он после возвращения из армии спрашивал о судьбе своей жены. Козлов хрустнул пальцами. «Вот где встретились!». Многолетний опыт подсказывал ему, что несдержанность — плохой помощник.

«Что же делать? — думал он. — Как заставить его выдать справку?.. Назидательные беседы тут не помогут».

— Значит вам сегодня некогда? — спросил Козлов и потянулся к телефону. — Ну что ж, попробуем обойтись без вашей помощи.

Управдом грузно положил руку на телефонный аппарат. Маленькие глазки его налились злостью. Он уже не пел, а выбрасывал слова, как тяжелые камни:

— Позвонить и мы можем... выяснить, чем ты занимаешься. Почему ты стремишься получить справку в обход закона? Где комиссия от общественности, где подтверждение о родственниках? Законы знаем! Интернат — школа нового типа. Кого зря туда не помещают. Ясно?

Глаза управдома стали совсем колючими. Он сжимал в руке длинный телефонный шнур, словно кнут. Как бы он проучил этого учительшку!

Козлов поднялся. Голоса он не повысил, но в нем появились стальные нотки.

— Во-первых, перестаньте тыкать. Во-вторых, хватит разводить волокиту.

Зазвонил телефон.

Управдом рванул к себе трубку.

— Да? Кого надо?

Вдруг лицо его сморщилось.

— Слушаю вас, товарищ прокурор, — голос стал приторно-ласковым.— Я давно жду эту жиличку... Да она сама не идет. Я с великим удовольствием. Нет, нет, товарищ прокурор, будет сделано. Нет, нет, ни в коем разе...

Положив трубку, он тяжело прислонился к спинке стула, вытер залоснившимся рукавом френча проступившие на широком лбу капли пота и закрыл глаза.

В дверь громко постучали:

— Откройте же, в конце концов. Сколько можно ожидать?

Дядя Андрей откинул щеколду и отошел в сторону.

— Так это вы, товарищ капитан?—обрадованно сказала Мария Павловна.— Как хорошо, что и вы тут. Вот и бабушка Василиса подошла с ребятами.

Управдом спешно выхватил ключи из ящика, протянул

их Марии Павловне и растерянно уставился на учителя:

— Ничего не понимаю. Какой капитан? Вы что же, из прокуратуры или из милиции?

— Я — точно капитан, только запасной,— рассмеялся Козлов.

— Да, да, только зачем же сразу в прокуратуру?— голос управдома опять стал тонким и тягучим, а рыхлое лицо еще больше побелело.— На все время нужно, времечко. А мы вам, гражданка, жировочку выписали. Да, да жировочку...

— Какую еще жировочку?—Мария Павловна недовольно повела глазом.— Нам жировать некогда. Нам Любочку надо поскорее определить, а если мест нет, я ее к себе возьму.

— Жировочка ко всему этому отношеньица не имеет. Квартплатку вы еще самостоятельно нигде не платили? А теперь будете платить за комнатку со всеми удобствами... А насчет сиротки не извольте беспокоиться. Дела вам чужие. Мы тут с товарищем капитаном обо всем договорились... Мария Павловна стукнула ключами по столу.

— Да какие же такие чужие дела? Вон и бабушка Василиса пришла за тем жег. Пропадать, что ль, девчонке? Бабушка Василиса, надевшая новый платок по случаю такого посещения, с трудом протиснулась в дверь.

С одной стороны ее поддерживала Люба, с другой — Валерий. Из-за плеча старушки выглядывал Юрка...

— Так, значит, вся общественность подключилась,— резюмировал управдом.

—
Вы же сами про общественную комиссию спрашивали,— усмехнулся дядя Андрей.
Управдом оживился.

— Одобряю, одобряю,— суетливо прервал он Козлова.— Интернат — школа нового типа, прямой, так сказать, путь в будущее. Давайте свои справочки. Мы сейчас же на месте актик составим, подпишем его, все честь по чести, а комнатку Любину вы нам сдадите как положено. И о чем спорить?

Спорить, действительно, было уже не о чем. Мария Павловна пошла провожать Дабушку Василису.

Дядя Андрей вместе с ребятами вышел из домоуправления. Дышалось легко. Догорал короткий осенний день. После дождя сверкали умытые стекла и пламенели лужи.

По улицам весело бежали красные трамваи. Башенный

кран, выйдя из своего холодного оцепенения, задвигал длинной шеей, будто разглядывая прохожих, а киоск-автомат охотно выдавал прохожим пахнущие краской газеты.

Юрка опустил монету, потом догнал отца и сунул ему в карман свежий номер. Он уже слышал по радио, о чем там сегодня писали. А писали о многом: о том, как седые запыленные сфинксы недовольно поглядывают на усмиренный Нил, и о новых полетах в космос, о геологических партиях, отправившихся в далекий путь, и о том, что где-то в Штатах залатали пулевые отверстия в президентской машине, а на Средиземном море по-прежнему льется кровь киприотов.

Борьба продолжается.

Выстрелы в саду

У Валерки слипались глаза. И надо же так случиться: только записался в кружок и сразу тебе тему про крестовые походы, да еще детские. Про них и на уроках то никогда не говорили. Ищи теперь в энциклопедиях, выписывай про какого-то Этьена, да Николауса. Язык сломать можно. Юрку бы сюда да Любку. Быстро бы все вместе доклад написали.

Валерка протер глаза, размазал по лицу чернила и поплелся на кухню.

— Чай бодрит и умные мысли пробуждает, — вспомнил он Юркины слова. Темную жидкость разлил в три стакана и два из них опорожнил тут же. Третий взял с собой. Полуоткрытая дверь отцовского кабинета выбрасывала зеленую полосу света.

Опять не спит. Одна газета уже на полу, другая на абажуре... И о чем он думает? Валерка нахмурился и вспомнил, как бежал за отцом... Растрепанные ракиты. Холодный ветер... Так тогда и не поговорили. И дядя Андрей тоже отмалчивается. Ну и заварили кашу. Хорошо хоть вовремя догадались в домоуправление сходить. Дядя Андрей, конечно, и сам бы справился... А как он говорил с управдомом!.. Ну и тип этот управдом! Любочка говорила, что он к ним домой приходил, прямо при матери комнату измерял, еще до суда.

Валерка зажег торшер и примостился с учебниками как раз там, где обычно сидел Юрка. Отсюда хорошо было видно, что делается в кабинете отца.

— Папа римский, Иннокентий III, зачинщик многих кровавых войн, возлагал большие надежды на маленьких крестоносцев, — читал Валерка.

Отец тяжело перевернулся, и на пол с шумом полетела пухлая книга. Это была его любимая — «Сад и огород». Валерий выпил еще стакан чаю и перевернул страницу энциклопедии.

«А почему все-таки дядя Андрей ушел от нас?» — этот вопрос не давал покоя и значил для него сейчас больше, чем все легенды о крестовых походах и все доклады на исторических кружках. Уроки, учебники...

Валерке давно все это надоело. Правда, последнее время он, как говорится, подтянулся. Иван Афанасьевич больше не приставал к нему и даже похвалил за цитату из Николая Островского. Еще бы! Он шпарил ее наизусть.

И, что там ни говори, а Николай Островский — это

тебе не Иннокентий III, о котором Валерка ничего не может запомнить. А уже три часа ночи. Лучше уж письма писать в будущее, чем этим средневековьем заниматься.

Валерка захлопнул энциклопедию и придвинул к себе бумагу. Волнуясь, написал: «Милая Любочка, как все странно и дико в нашем доме»... И посмотрел на сноп света, выбивающийся из отцовской комнаты.

Подошел к двери, чтобы потушить лампу и... отступил. Отец, в гимнастерке и в галифе, стоял у дивана и рассеянно вертел в руках ружье. Лицо осунувшееся, глаза глубокие, невидящие.

В саду загремел цепью Полкан. Послышался треск отдираемых досок и захлебывающийся собачий лай.

Мимо Валерки пробежал отец. Хлопнула дверь.

«Опять забор в саду ломают хулиганы»,— догадался Валерка и устремился за отцом. Не успел выскочить на веранду, как совсем рядом, один за другим, раздались два выстрела.

Из-за лохматых туч выползла любопытная луна. Стеклянные глаза луж на асфальтовом дворе смотрели холодно, будто ничего не случилось.

Притих Полкан, и странная тишина обрушилась на этот дом, сад, двор, на всю городскую окраину.

«Сейчас начнется,— подумал Валерка,— засвистит милиционер, всполошатся соседи из Любкиного дома, мать прибежит встрепанная»...

Нет, все тихо. Валерка сбежал с порожек веранды, и остановился в двух шагах от отца.

Опершись на ружье, полковник смотрел на луну. В углу забора были отодраны две доски и возле дыры чернело выдранное с корнем деревце. Эту низкорослую яблоньку посадили весной — привезли после долгих хлопот и телефонных переговоров из другой области, из большого заповедника.

«Неужели отец в человека стрелял?—ужаснулся Валерка. — А если бы попал? Уж лучше бы этого сада у нас вовсе не было!» Полковник ходил между рядами деревьев, подсвечивая себе фонариком. Грузно скрипели сапоги.

«Словно рыцарь Железное Сердце свои владенья

обходит,— думал Валерка.— Почему же он никогда со мной не поговорит, как надо? А дядя Андрей с Юркой даже советуется».

Валерка представил на миг: вот оба они — Юрка и дядя Андрей — черные, как цыгане, горбоносые, кудлатые— нежно и просто глядят друг другу в глаза, понимая все с полуслова, и щемящая боль сжала Валеркино сердце.

«Зачем только они ушли от нас? Может, отец снова подружится с дядей Андреем? А с Юркой здорово уроки учить!» Он тоскливо посмотрел на отца. Тот стоял, опустив голову, возле дерева с красноватой кожицей — белого налива. Этот сорт яблони первым стал плодоносить, и, наверное, поэтому так полюбил его отец. Мать безуспешно настаивала, чтобы весь урожай продать на рынке. «Немного добавим и купим пианино».

«Чижика-пыжика можно и на Валеркином барабане отдубасить,— усмехнулся отец,— а еще лучше медный, таз из-под варенья использовать». К великому неудовольствию матери отец в тот год весь первый сбор белого налива —такие сочные яблоки! — роздал соседским ребятам. Но уж на следующую осень отец безоговорочно капитулировал. В сад начали замахивать разные перекупщики. Сделки заканчивались звоном стаканов. А все потому, что матери непременно понадобилось ехать с Лерой Носороговой на какой-то модный курорт. Валерке это здорово не понравилось. И когда он рассказал обо всем Любке, она вполне с ним согласилась. И Юра хоть и молча, а по глазам было видно — тоже осудил.

«Только все равно дяде Андрею надо было у нас остаться!»

Отец все ходил и ходил по саду. Все глуше раздавались его шаги. Они уже не были такими уверенными, как сначала. Он возвращался к тем же деревьям, которые уже осмотрел, ласково к ним притрагивался и снова отходил. Нет, он не просто проверял сохранность сада. Он словно прощался с ним.

Луна все ниже и ниже спускалась к черному шершавому забору. А с другой стороны намечался рассвет — светлая полоска все росла, наливалась и чуть краснела от непонятной поздней радости.

И вдруг отец повернулся к нему лицом:

— Сынок! Что ты там прячешься в тени? Или я не вижу, как ты ходишь за мной. Иди-ка сюда поближе. Валеркино сердце так застучало, что он прижал его

кулаком, боясь, как бы оно не выскочило наружу.
Голос отца был бодрым:

— А что если мы свой сад школе отдадим?

И случилось еще более неожиданное. Отец, полковник запаса Андрей Петрович Дунайский, тот самый, которого только что сын назвал рыцарем Железное Сердце, вскинул ружье, навел его на жалкую, совсем уже побледневшую луну и выстрелил.

Может быть, он хотел разбудить всю эту окраину, перегороженную высокими заборами, закрытую от мира глухими ставнями и перепоясанную полканьими цепочками? Во всяком случае самому-то ему уже давно не спалось.

В новой колее

В интернате Люба быстро со всеми перезнакомилась, освоилась, и ее даже выбрали отрядной вожатой. Пришло письмо от матери. «Любочка милая,— писала она.— Я очень виноватая перед тобой. Все хотела, как лучше, а вышло хуже».

Работала она где-то под Красноярском. «Ничего мне не надо, только бы тебя видеть...»

Люба сфотографировалась во весь рост и послала матери карточку.

Воскресным утром в черном форменном пальто она постучалась к Дунайским. Долго никто не открывал, но вот стукнула дверь, и с радостным гиком выскочил на улицу Валерий.

— Что ж ты так долго?

— Подумаешь, неделя... А ты весь в чернилах.

— Сочинение... Поможешь?

— А ты все такой же!—засмеялась Люба.— А у нас весь интернат письма в будущее пишет.

— Ты настропала? Заходи, Ракета!

Комнаты, по которым проходила Люба, уже не казались ей такими большими, высокими, как раньше. Но что-то в них изменилось. Было светло. Исчезли с окон решетки. Гардины раздвинулись во всю ширину подоконников. Из гостиной вынесли жирный фикус. А в углу, на тумбочке, бережно прикрытый салфеткой, торжественно стоял магнитофон.

— А у нас новость,— сказал Валерий.— Отец сад отдал школе. Это которая на пустыре строится.

— Небось, мать переживает за сад-то?

— Было немножко...

— Где она?

— В кухне. Теперь без Марии Павловны...

— Она у нас в интернате. Поварихой.

— Может, в шахматы сыграем, а сочинение потом?

— Ну, что ж. У нас в интернате турнир идет.

— Что ты все про интернат?

Голос у Валерия недовольный, и фигуры валяются из рук.

— А двоек много нахватал?

— Ни одной.

— Иван Афанасьевич не приходил?

— Ни разу с тех пор не был.

— А сад бесплатно отдали?

— Бесплатно. Да ходи ты. У нас теперь все по-другому.

И кортик мне отец подарил. Понимаешь, кортик!

— Напиши историю кортика. Расспроси отца.

— Зачем это?

— Для будущего.

— Помешалась ты на будущем. Мне с настоящим никак не разобраться.

— Да ну? — Любка явно хитрила. А все-таки она давно не была в этом доме — целая вечность прошла. И о многом ей хотелось расспросить. И просто так говорить, говорить... — Может, ты и на базар ходишь?

— И на базар, и в магазин. А когда воду отключали

— и с ведрами бегал.

В глазах у Любы — веселье. Она вся засветилась от радости.

— Тимуровцу — мат, — хлопнула ладошками.

— Что? Какой еще мат? — Валерий вскочил на ноги, взобрался на соломенное кресло, уставился на шахматную доску.

В коридоре зазвонил колокольчик.

— Отец, наверно. С охоты...

Любка смешала на доске фигуры.

— Щенков-то не продаете?

— Что ты? Все закутки в тот же вечер поломали.

Звонок не переставал.

Из-за двери выглянула растрепанная Марина Ивановна.

— Оглох, что ли?

И тут же, увидев гостью, заговорила другим, деланным голосом:

— А, Любочка пришла! Здравствуй, здравствуй... Ну, как мама?

— Я сейчас, — заторопился Валерий.

Почти под самым окном недовольно заурчал мотор.

Андрей Петрович вошел быстро. На нем был короткий стеганный ватник, перепоясанный ремнями. За спиной — рюкзак.

Из кухни выплыла Марина Ивановна, на этот раз без фартука и гладко причесанная.

— Принимай, жена. Я вам зайца привез. Последнего в этом сезоне.

— Почему последнего? — удивился Валерий.

— На работу поступаю. Некогда будет ездить.

— Какую еще работу? Опять Щеточка булгачит всех.

Валерий вспомнил, что видел снимок Щеточки в газете. Он положил ее тогда в тот вечер на стол отцу, прижав пустыми гильзами.

— Щеточка — молодец. Всем бы так! — сказал Андрей Петрович.

— Уж не думаешь ли ты от пенсии отказаться?—
усмехнулась Марина Ивановна.

— Нет, от пенсии не отказываюсь. А работать буду...
Гм... На общественных началах. В автомастерской
интерната. Ребят учить.

— Эх ты, шофер-полковник! Знаю я тебя. Потетишься
и надоест.

Заскрипела дверь, но через минуту Марина Ивановна
опять выглянула.

— А зайца сами обдирайте. Кухарок нету.

— Ничего, обработаем и сами. Как, ребята, справимся?

— Конечно,— Валерий стал засучивать рукава.

— Газету — на стол, чтобы клеенку не пачкать,—
по-хозяйски распорядилась в кухне Любка. — И дай
мне какой-нибудь фартук.

— Да, кстати,— сказал Дунайский,— Андрея видел.
Зовет сегодня к себе. У Юрки день рождения. Четырнадцать.
Поедемте?

— Ой, как здорово!—Валерию захотелось сказать
отцу что-нибудь приятное, но, поймав веселые блески в
Любкиных глазах, он застеснялся, опустил голову.

— Значит, едем?—обрадовался отец.— А мать уговорим.
Ершистая она у нас. Ну, да ничего, войдет в новую
колею.

— А что бы нам такое подарить Юрику?—деловито
наморщила лоб Люба.

— Идея!—закричал Валерий.— Зажаренный заяц.

Чем не подарок?

— Ой, Валерка, правильно! — обрадованно сказала
Любка.

— Идея отличная!

Дунайский и на этот раз не мог изменить своей старой
привычке говорить поучительно:

— Этот замечательный трофей мы принесем в дар
Маленькому алтайскому охотнику, будущему геологу,
Ура!

Отец улыбнулся. И эта улыбка показалась Валерке
простой и ясной, как прежде, когда отец постоянно ходил
в кителе и во многом был похож на дядю Андрея.